

Оксана Шаталова

Другое
измерение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Шаталова

Другое измерение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63678371

SelfPub; 2021

Аннотация

Лента в соцсетях – наш личный сотворенный мир, порой не пересекающийся с мирами других людей. Эти миры часто формируются по политическим предпочтениям – у феминисток/либералов/левых лента одна, у традиционалистов/консерваторов/правых – другая. Что, если эти миры фатально разделятся не только в виртуальной, но и в физической реальности? Что, если мир оппонента станет невидим не только символически, но и буквально? Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Оксана Шаталова

Другое измерение

1.

Заботе с утра мерещилась странная тень. Вернее, это было странное мерцание – поле зрения искажалось, и воздушные складки собирались в неясный контур человеческой фигуры. Забота моргала, встряхивала головой, и видение отступало, но потом возвращалось опять. Так продолжалось всё утро. Пожаловаться было некому – все взрослые удалились по делам, верней, по одному, но очень важному делу. У господина был выходной, и он наконец нашел время вывести мать за пределы участка, чтобы оформить четвертого сына. Младшая мать немного обиделась, потому что намеревалась уговорить семействладельца отвести ее на плановую липосакцию. Но обретение нового ребенка было, несомненно, важнее, господин об этом давно мечтал. Поэтому младшей матери пришлось закусить губу и сопровождать отца и его основную супругу. Заботу оставили с маленькими, и у нее не хватало времени даже на осознание того, что она видит призрака, не то что на испуг. Ей пришлось делать одной все милые женские пустяки, включая большую стирку. К тому же всё внимание забирали дети. Маленький Ганс сегодня был в

ударе и ревел не переставая. Забота не пыталась понять причины рева, поскольку подозревала воспитательный ход (мать могла накрутить Маленькому Гансу «беспокойство» для усиления у Заботы материнского инстинкта). Утешая Ганса универсально ласковыми словами и подсовывая ему игрушки, Забота приготовила смесь и овощное пюре Крохе, кашу старшим и покормила Кроху, который выплюнул на Заботу почти всю порцию. Затем Маленький Ганс опрокинул полную тарелку на голову Второму, и кухню огласил их дуэт, быстро переросший в трио. Почему заорал Кроха, ведь он обычно ведет себя автономно, не копируя поведение старших? Забота в отчаянье воззрилась на малыша и вдруг заметила над его головой мерцающую тень. Снова таинственная фигура, теперь совсем рядом... Девушка всмотрелась. Контуры призрака были нечеткими, размытыми, а сама фигура – полностью прозрачной. Если не вглядываться, можно было вообще ничего не заметить, но при движении фигура становилась яснее, проявляясь тошнотворным шевелением воздуха. Привидение отвлеклось от плачущего Крохи, разогнулось (ростом оказавшись выше Заботы) и вперилось взглядом в девушку. Казалось, что призрак смотрит прямо на неё, хотя ни глаз, ни лица у него не было. «Забота», – вдруг прошелестело в ушах сквозь рев детей. Почудилось? Снова еле слышно: «Забота... Убери линзы...» Девушка вздрогнула. Таинственная тень колыхнулась и исчезла. Ганс уронил стульчик на пол и упал ничком, не прекращая реветь. Второй, подра-

жая заводиле, рухнул рядом. Нет, больше невозможно это терпеть. Забота вздохнула и, поколебавшись секунду, отключила всех троих. Слабость, недостойная слабость. Она знала, что такое поведение чревато снижением «любви» и «материнского инстинкта», но ей нужно было придти в себя. Братьев следовало унять, чтобы допустить наконец в голову тревожную мысль.

Со мной что-то не так? Что это за тень? И тень ли это? А может, это... монстр? Заботу передернуло. Нет, не может быть. Нечисть приходит только в случае падения параметров до уровня «стыд». Об этом постоянно твердит мать – и Заботе, и младшей матери: «Будете лениться, любовь упадет». Только если позорно понизится «любовь» или «чинопочитание», или еще что-нибудь, тогда позорнице явится монстр и покарает либо вовсе утянет в ад. Но у Заботы оценки хотя не на высоте, но и не ниже допустимого. Она глянула на индикатор: «женственность» – пристойно, «любовь» – пристойно, «бабское счастье» – средне, «материнский инстинкт» – средне, «уважение к корням» – средне, «позитив» – средне, «спокойствие матки» – средне. Другие пункты тоже желтели на среднем уровне, как и общий рейтинг. Ничего выдающегося, конечно, ни одного «похвально», но и до «стыда» далеко. Почему же мерещится странная тень? Линзы испортились? Но ведь они совсем новые, на прошлой неделе меняла. Или какая-то болезнь глаз? Забота нахмурилась. Монстры тут не причем, но... всё-таки похоже на тревожное пре-

дупреждение. Сколько раз мать стыдила ее за лень и неряшество, а она не слушала. И вот, доленилась до призраков в глазах. Забота знала, что ей далеко до бабьего идеала. Природная суть не спешила в ней пробуждаться: благоговения во время занятий милыми женскими пусячками она не испытывала. Неудивительно, что начали мерещиться монстры. Что же это значит? Первое предупреждение перед всамделишной карой? Какой? Незамужеством? Бездетностью? Срезанием кос? Облачением в мужское? Похищением в адские края, где позорницу отдают на поругание сонмам? Девушка вновь собралась было испугаться, но вспомнила рассуждения подружки Честности. «Стыд – ерунда. Монстры за стыдом не приходят, – говорила Честность. – Сколько раз я была позорницей? Да раз сто. И никаких монстров не видела. Наказание – да, пожалуйста. А монстры – никогда. Всегда всё одинаково – покарают, поднимут до «средне», и опять ты славная матка. А замуж всё равно отдадут. Всех отдают. И детей разрешат оформить. Всем разрешают. Верней, заставляют». Действительно, у Честности были самые низкие оценки на участке. Семьевадение у нее было поганое, то есть без господина, одна мать и брат, совсем устаревший, чиненый-перечиненый. Мать Заботы не одобряла такой дружбы, но запретить видаться с Честностью не могла, поскольку Забота встречалась с ней на трудовом фитнесе «во благо участка и больше» (что такое «больше», Забота не знала). Честность во время фитнеса рассказывала подругам чудные

истории – то ли сказки, то ли древние были – совсем-совсем древние, о тех временах, когда семействования жили вне интерфейса. Речь там шла о скверных бабах – как они дерзили и пренебрегали рейтингом, но их не наказывали, а наоборот, почему-то поощряли. Одна строптивица, Элизабет, вышла замуж за главного господина, хотя была позорницей, и мудробаба ее отчитала. Иногда, впрочем, древние в рассказах поступали как надо – одну мужланку, Жанну, сожгли на костре за то, что она командовала господами, а те подчинялись из-за какой-то войны. Честность сама немного походила на тех древних баб, – ей бы жить в сказках, а не в нормальном мире, где она слыла никудышной. Мать ее совсем не стыдила, и вразумлением Честности занимались старейшины: публично пороли раз пять – однажды высекли сразу и ее, и мать, – а позорили на лобном месте бессчетно. Но, как Честность и говорила, после наказания параметры снова поднимались до желтых, и никудышная подруга жила дальше, никаких монстров не видела и в аду не бывала. И жениха ей действительно подыскали (хотя, конечно, завалящего, не чета заботинному Уму).

Тем не менее бабы таки пропадали. Та же подруга пересказала Заботе тревожные слухи о том, что из другого участка недавно исчезла нерожавшая матка. Говорят, заявила родне, что сама хочет быть позорницей, а женскими пустяками заниматься отказывается! Ее начали было лечить, а она взяла и исчезла. «Так-то, – подытожила Честность. – Видимо,

в ад можно уйти только по собственному желанию, то есть по дурной болезни, приходящей от подлых мыслей... Только если взбесишься, монстры тебя и заберут... А иначе ничего тебе не угрожает, бояться нечего».

Забота тогда сильно встревожилась, вспомнив о Радости. Ее старшая сестра погибла шесть лет назад. *Исчезла*. Сказали, что случайно утонула. Но Забота подозревала худшее. Радости к тому времени исполнилось четырнадцать – пришла счастливая пора, плод созрел и соком налился. Но вместо благодарности и благоговения Радость заболела... как раз той самой дурной болезнью, черным бешенством. Во время обряда обмера ГТБ она по-мужлански взглянула в лицо родителям жениха и заявила, что пусть лучше меряют грудь своим курам, и из них выбирают жену недоумку. И вообще, дом их вонюч, и она туда не пойдет. Господин, конечно, сразу же приказал матери вылечить бесноватую, но не помогли ни целебная порка, ни понижение зрения с повышением нормы милых пустяков до «строгой». Радость продолжала бессовестно болеть, бесясь маткой. На следующей ступени вразумления ожидалось уже личное участие семейладельца. Но им повезло с господином: от безмерной доброты он не стал прибегать к обычным лекарствам от бабьей строптивости и просто одарил дочь сострадательным словом – высказал ей в личном сообщении, что при таком поведении даже минусовый муж не захочет раздвинуть ей ноги и обрюхатить, а вместо этого измордует, плюнет и бросит на

порувание сонмам. Но слова любви не подействовали на бесноватую; речь ее по-прежнему была ядовита, как желчь. Жалея доброго господина, Забота тоже решила вразумить сестру и сообщила ей, что «родители лучше неё знают, что для неё лучше» (при этом искоса глянула на индикатор: «кротость» и «благодарность» добавили сотые доли). Полуслепая Радость после целебной порки лежала на животе, отдыхая в перерыве между пустяками. Строгий режим не позволял ей бездельничать больше десяти минут, – если же лентяйка затягивала со временем, активировались болевые центры. «Семьеваладельцу поклон», «родители плохого не пожелают», – изрекла Забота очередные «Слова для бабьего рта» и услышала в ответ: «Родители желают плохого. Мне сейчас очень плохо». «Боль во исцеление...» – начала было Забота, но Радость перебила: «Это боль не во исцеление, это просто боль и раны». И неловко повернувшись набок, добавила: «Беги отсюда, Забота. Я сбегу».

На следующий день мать и младшая мать, посоветовавшись, решили не прибегать к помощи участковых старейшин и вызвали ангелов. Те явились и повели Радость на лечение водами. Больше сестру никто не видел: от ангелов пришла весть, что она утонула в святом озере. Случайность? Или нет? Забота предполагала, что Радость сама не захотела выплыть, о чем и намекали ее слова о побеге. А может, выплыть ей не позволили ангелы, зная, что бесноватая продолжит портить рейтинг всему гнезду. Только лишившись

строптивной сестры, Забота поняла, что осталась совсем одна – с упрекающей матерью, раздражительной младшей матерью, почти невидимым господином и двумя надоедливыми куклами (она тогда не догадывалась, что двоица это еще цветочки, а в будущем ее ожидает оформление Крохи). Радость была единственной в гнезде, чьи беседы с Заботой не состояли из постоянных назиданий и упреков. Что это были за беседы, Забота плохо помнила, но осталось ощущение чего-то любопытного и запретного. В памяти сохранился только один эпизод, – когда Радость показала маленькой Заботе (тогда едва ли старше Ганса), что значит быть скверной бабой. Она подвела сестру к границе участка и сказала, что сейчас эту границу перейдет. «Нельзя!» – возражала Забота, но Радость сказала: «Не ты ли меня остановишь?» – и *перешагнула*. У нее над головой сразу выросли алерт-рога и рухнуло несколько пунктов, но она казалась довольной и ходила ногами по запретной земле. «Возвращайся! Монстры заберут!» – увещевала Забота, но Радость ответила, что монстры такими мелкими делами не занимаются, и даже ангелы не занимаются, – такие мелкие проблемы решает своими силами народ. А потом случилось странное. Глядя, как Радость дразнит ее, Забота взяла и неожиданно для себя *перешагнула* тоже. Это был один-единственный шаг, но на глаза сразу упала «завеса стыда», и всё теперь виделось через красную пелену. «И рога у меня есть?» – спросила Забота. Радость ответила, что да, маленькие рожки, которые её очень красят.

Забота поняла – теперь она позорница, скверная баба, и это было непривычно и весело. Они быстро перешагнули обратно, вернулись домой и, конечно, мать их наказала, но тогда кара не казалась тягостной. Они даже смеялись, и Радость научила Заботу заглушать подкаст «Баба, руби непослушные ноги» хитрым прикосновением к виску.

Она долго горевала по Радости, но со временем забыла о своей печали, вспоминая только во время отбывания кар. И после рассуждений Честности о позорницах вспомнила снова. Тела Радости тогда не нашли... Неужели её уволокли монстры, прельстившись дурной болезнью – тем, что сестра сама захотела стать позорницей? Неужели Радость пребывает в аду? Нет, не может быть. Честность выдумывает. Как можно захотеть ада? Хотя... Насчет детей подруга, кажется, права? Ведь, действительно, детей разрешают оформлять всем. Вернее, заставляют... Или разрешают?

Мысли запутались, и у Заботы заболела голова. Она решила завтра пойти к участковому врачу и проверить глаза, а сейчас больше об этом не думать, тем более милые пусячки не ждали. Таинственная тень вроде бы скрылась. Наслаждаясь тишиной, Забота навела чистоту на кухне (ей даже показалось, что вот-вот снизойдет благоговение). Тщательно отчистила братьев от каши и заодно протерла их эпителиальным раствором, – раз уж проявила слабость и вырубилась, то стоит немного реабилитироваться, совершив процедуры по ежедневному уходу. Закончив, она включила братьев.

Как всегда после перезагрузки, те были немного сонные и чудно благодушные. Маленький Ганс успокоился. Оставив Кроху ковыряться в манеже, Забота решила поработать над повышением «трудолюбия» («любовь» сегодня пострадала, но никогда не стоит сдаваться). Нужно порукодельничать, к тому же это занятие идет на пользу не только «трудолюбию», но и «женственности». Да и мать часто упрекает в неусердии, а какое занятие требует большего прилежания, чем вышивание гладью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.